

Глаза Хань Кэ закатились, обнажив белки; лицо заволокло чёрно-серой мертвенной дымкой. Одержимость была очевидна.

При словах «Шесть дворцов Лофэна» на её лице промелькнул неподдельный ужас.

Шесть дворцов Лофэна — это дворцы шести небесных демонов горы Лофэн. В даосской традиции Лофэн — гора, где располагалась обитель Великого владыки Северного мрака Фэнду Бэйинь-дади, высшего божества загробного мира. Снаружи горы — шесть палат, внутри — шесть дворцов. Под началом Бэйинь-дади — пять владык духов сторон света, которые призывают души умерших, испытывают их и управляют подземными темницами. В темницы Лофэна заключали только тех, кто совершил десять непростительных злодеяний, — великих грешников и свирепых духов, убивавших людей.

Это было место, которого боялись даже больше, чем восемнадцати уровней ада. Одно упоминания Шести дворцов Лофэна хватало, чтобы вселить в злого духа ужас. А если к этому добавить имя самого Бэйинь-дади — мелкий призрак мог и вовсе развоплотиться от страха.

Хань Кэ явно испугалась и стала осторожнее, но всё же не поверила, что Чэнь Ян действительно способен привести в исполнение такую угрозу. Взгляд её скользнул вниз — на Чэнь Яне не было ни деревянной таблички небесного заклинателя, ни тем более нефритовой.

— У тебя даже реестра нет?

— Я не небесный заклинатель, — ответил Чэнь Ян.

Хань Кэ на мгновение опешила, а потом расхохоталась. Мертвенно-белые глаза без зрачков уставились на него — зрелище было жуткое до мурашек. Чёрно-серая мёртвая дымка на лице поползла вверх, к макушке. Как только она доберётся до темени — душа Хань Кэ будет окончательно вытеснена.

Чэнь Ян молча смотрел на неё какое-то время, затем встал и подошёл к окну. Одним движением раздвинул шторы — и солнечный свет хлынул в комнату. Хань Кэ вскрикнула и закрыла лицо ладонями, уворачиваясь от света.

Чэнь Ян воспользовался моментом, метнулся к кровати, схватил средний палец правой руки Хань Кэ и ткнул маникюрными ножницами в подушечку. Тут же выступила капля крови.

Хань Кэ затряслась всем телом, стиснув зубы, глаза закатились. Через некоторое время дрожь утихла, и она потеряла сознание. Прошло ещё немного времени — она медленно очнулась и, увидев Чэнь Яна у края кровати, не испугалась.

— Опять папа позвал шарлатана?

— Я не шарлатан.

Хань Кэ презрительно хмыкнула и, привалившись к спинке кровати, уставилась в пустоту безжизненным взглядом.

Чэнь Яну стало не по себе, и он сказал:

— Не стоит терять надежду. Мёртвая энергия ещё не добралась до точки тяньлин на макушке. Тебя ещё можно спасти.

— ...Точка тяньлин?

— Точка иньтан, вот здесь. — Чэнь Ян указал на своё межбровье. — У человека есть три огня — пока ян-энергии достаточно, духи и нечисть не страшны. Мёртвая энергия поднимается от подошв вверх и гасит два огня. Последний горит как раз в точке иньтан на макушке. Только погасив его, дух сможет полностью завладеть твоим телом и подменить твою судьбу.

Взгляд Хань Кэ дрогнул. Она впилась глазами в Чэнь Яна, словно хватаясь за последнюю соломинку.

— Вы правда можете меня спасти?

— Зависит от того, готова ли ты рассказать всё, что знаешь. Без утайки.

По щекам Хань Кэ потекли слёзы. Вся её напускная холодность рухнула разом, как ветхая стена. В конце концов, она была ещё несовершеннолетней девчонкой; за этот месяц мучений надежда раз за разом рушилась, и она почти отчаялась.

Но как смириться с тем, что какой-то бесприютный призрак заберёт твоё тело и судьбу? Что ты будешь страдать вместо него, а он — наслаждаться твоей счастливой жизнью? И вот перед ней стоит человек, который говорит уверенно и точно, смотрит честно, держится спокойно и невозмутимо — и ему невольно хочется довериться.

К тому же, хотя во время одержимости она не могла пошевелиться, всё происходящее вокруг Хань Кэ осознавала.

Она видела, как Чэнь Ян парой слов напугал духа и прогнал его. И поверила, что перед ней — настоящий небесный заклинатель.

— Если вы меня спасёте, я дополнительно заплачу вам сто тысяч.

Итого — полмиллиона. Чэнь Ян, в жизни не видевший таких денег, мгновенно забыл о собственном зароке держаться подальше от всего потустороннего. В конце концов, первую половину жизни он и без того провёл бок о бок с духами и нечистью. Одним разом больше — ничего страшного.

— Расскажи мне про эту картину.

— Картину? — Хань Кэ проследила за взглядом Чэнь Яна и, увидев портрет красавицы, разительно выделявшийся среди аниме-постеров, замерла. — Я никогда её не видела!

Её изумление было неподдельным — значит, она действительно не замечала эту картину. А ведь портрет на фоне аниме-постеров должен был бросаться в глаза. Но почему-то, когда они только вошли в спальню, никто на него не обратил внимания.

Определённо что-то нечистое.

— Мастер, эта картина... Неужели это то самое место, где обитает эта тварь? Я никогда не видела этой картины. Как она оказалась у меня в комнате?

Чэнь Ян покачал головой:

— На доме стоят боги дверей, охраняющие жилище. В доме — предки, хранящие покой. А внизу я ещё видел у вас алтарь Гуань Шэнди-цзюня... ну, статую Гуань Гуна. По идее, нечисть просто не смогла бы проникнуть сюда.

— Тогда...

— Значит, эту картину кто-то принёс.

Хань Кэ застыла, а потом нахмурилась в ярости:

— Кто-то хочет меня убить?! В мою спальню могут войти только папа с мамой и тётя-домработница. Неужели это она притащила какую-то нечисть?

Чэнь Ян молча вглядывался в картину, потом вдруг спросил:

— Откуда родом ваша домработница?

— Из Сычуани.

— В западном Гуандуне не бывала?

— Я слышала, что она работала только в северных провинциях. На юг никогда не ездила.

— Тогда это не она.

Чэнь Ян встал и подошёл к картине, внимательно разглядывая. Он вгляделся в черты лица женщины в ципао — и вдруг заметил, что её глаза шевельнулись. Она посмотрела прямо на него, и алые губы чуть изогнулись в улыбке.

В тот же миг комнату захлестнула волна нечистой энергии.

Сердце Чэнь Яна подскочило. Он вгляделся снова — женщина на портрете была всё такой же, неподвижной и прекрасной. Словно ему всё привиделось. Но он знал, что это была не иллюзия. В душе шевельнулась настороженность. С тех пор как ему исполнилось шестнадцать, духов, способных его морочить, осталось совсем немного.

Он заметил, что бумага картины необыкновенно гладкая — вблизи она словно поблёскивала. Провёл пальцем — ощущение скользкой шелковистости ещё долго не сходило с подушечки.

— Ты в этом месяце покупала какую-нибудь бумагу для рисования?

— Не... — Хань Кэ уже начала качать головой, но вдруг остановилась. — Покупать не покупала, но один лист подобрала. Я учусь на художника, люблю рисовать и выкладывать работы в Вэйбо. Увидела бумагу — и сразу понравилась. Потрогала — гладкая, плотная, даже лучше обычной рисовой бумаги. Принесла домой и положила в ящик.

Она с трудом приподнялась и выдвинула ящик тумбочки — но бумаги там не было.

— Пропала?

Хань Кэ словно что-то осознала. Она резко обернулась к портрету на стене, и на дне её глаз расплескался настоящий ужас — будто она увидела картину с призраком.

— Я на ней ничего не рисовала!

— Где ты её нашла?

— В западном Гуандуне. На родине отца.

— Точнее.

— На горе... рядом с той свежей могилой.

Чэнь Ян вздохнул:

— Ну и храбрая же ты.

Хань Кэ снова расплакалась:

— Откуда мне было знать?! Я атеистка! Кто ж знал, что подберёшь бумажку — и к тебе привяжется нечисть! Мастер, спасите меня!

— Ради пятисот тысяч — выложусь по полной.

Почему-то эти слова успокоили Хань Кэ лучше любых высокопарных заверений.

Наверное, такова уж сила пятисот тысяч юаней.

— Мастер, а что это за бумага?.. Что всё это значит?

Глядя на заплаканную насмерть перепуганную девушку, Чэнь Ян не стал озвучивать свою догадку — «предположительно, бумага из человеческой кожи». Иначе, прежде чем он успеет кого-то спасти, Хань Кэ сама умрёт от ужаса. Только представьте: целый месяц вы живёте бок о бок с листом из человеческой кожи, он лежит на прикроватной тумбочке, рядом с подушкой. И время от времени вы достаёте его, гладите, а может, ещё и к щеке прижимаете...

От одной мысли мороз бежал по коже.

— Просто чёрная магия, — уклончиво ответил Чэнь Ян.

Он ещё некоторое время сидел в спальне, дожидаясь наступления ночи. Потом вдруг встал — и Хань Кэ вздрогнула от неожиданности.

— Мастер, вы куда?!

— ...В туалет.

— Я с вами!

— Тебе не кажется, что это не совсем уместно?

— Я подожду у двери.

И она уже схватила флакон капельницы, явно готовая бежать следом.

Чэнь Ян вздохнул и попробовал научить её коротенькое заклинание. Хань Кэ покачала головой — не получается. Тогда он велел ей крепко держаться за средний палец и, если почувствует неладное, выдавить из ранки кровь.

— Все десять пальцев связаны с сердцем, а средний — ближе всех к нему. В крови содержится чистая ян-энергия. Хотя ты сейчас и окутана мёртвой энергией, какое-то время продержишься. Если что — кричи.

Хань Кэ торопливо закивала, поставила флакон обратно на стойку, легла и крепко сжала проколотый средний палец.

Стоило Чэнь Яну выйти за дверь, как он наткнулся на Мао Сяоли, которая яростно строила ему гримасы.

— У тебя тоже одержимость?

— Ой, перестань ерунду говорить, — отмахнулась Мао Сяоли и прилипла к его боку с заискивающей улыбкой. — Чэнь-гэ, ты ведь на самом деле небесный заклинатель, да? Небось получил нефритовую табличку? Из тех мастеров, что скрывают истинную силу?

У заклинателей третьего ранга и выше деревянные таблички заменялись нефритовыми.

— Нет.

— Но я всё слышала!

Чэнь Ян поднёс свой телефон к её лицу:

— Видишь?

Мао Сяоли присмотрелась. На экране была страница поисковика Байду: «Десять народных способов изгнания призраков».

У неё дёрнулся уголок губ. Иллюзии рассеялись.

Чэнь Ян оставил приунывшую Мао Сяоли и сходил в уборную. Вернувшись, увидел, что она всё ещё стоит у двери. Спросил:

— Всё выяснила?

Мао Сяоли выпрямилась:

— Выяснила. Не она.

— Столько времени прошло — и господин Хань всё ещё помнит?

— Тут как раз совпадение. Когда Хань Цзяшань узнал, что одержимость дочери связана с той свежей могилой, он тут же позвонил на родину. Он там крупный благотворитель, так что деревенский староста, узнав о беде, немедленно рассказал ему всё о покойнице из той могилы. И даже прислал фотографии. Я сохранила их себе — посмотри.

Чэнь Ян взглянул. Девушка на фото была красивой, но не поражала воображение. Во всяком случае, до портрета в спальне ей было далеко.

— Чэнь-гэ, а ещё Хань Цзяшань спросил меня, кто эта женщина в ципао на картине, — та, что висит в комнате дочери. Он сам не знал. Странно, правда?

— Пойдём, спросим у Хань Кэ.

Сказав это, Чэнь Ян вернулся в спальню и показал фотографию с телефона Хань Кэ. Та покачала головой — не знает.

— Я видела фото на надгробии, но это была не она... — Хань Кэ осеклась, медленно повернула голову к портрету на стене, и выражение настоящего ужаса залило её лицо. — Я вспомнила. Тогда на надгробии была именно она!

Шесть дворцов Лофэна (洛陽宮) — в даосской космологии: шесть темниц внутри горы Лофэн, где заключены души тягчайших грешников и свирепых духов. Считается местом страшнее даже восемнадцати уровней буддийского ада.

Бэйинь-дади (北陰大帝) — Великий владыка Северного мрака, высшее божество загробного мира в даосской традиции. Его обитель — гора Лофэн в городе Фэнду.

Год усюй (戊戌) — 2018 год по шестидесятилетнему циклу китайского календаря.

Хуаньюэ (月) — буквально «пустынный месяц», поэтическое название четвёртого лунного месяца (примерно май по григорианскому календарю).

Сяо Фэньюй (肖凤) — имя, указанное в подписи на картине; по контексту — имя покойницы.

Три огня человека (三火) — согласно китайской народной вере, у каждого человека горят три огня ян-энергии: один на лбу (между бровей) и два на плечах. Пока они горят, нечисть не может приблизиться.

<http://bllate.org/book/17971/1726326>